

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК 343.814:338.4

Производственная деятельность исправительно-трудовых колоний на Европейском Севере России в послевоенные годы

А.Н. КУСТЫШЕВ – заведующий кафедрой истории и культуры Ухтинского государственного технического университета, кандидат исторических наук

В статье рассматривается производственная деятельность исправительно-трудовых колоний на Европейском Севере России в послевоенный период. Автором проанализированы функционирование сельскохозяйственного сектора, работа, проводимая колониями в рамках договоров, заключенных с хозяйственными организациями. Помимо того, в статье уделено внимание финансовому положению колоний, дана характеристика их трудовых ресурсов.

Ключевые слова: пенитенциарная система; исправительно-трудовые колонии; Европейский Север России; заключенные; производственная деятельность; сельское хозяйство; трудовые ресурсы.

Production in the labor colonies of the European North of Russia in the post-war years

A.N. KUSTYSHEV – Head of the Department of History and Culture of the Ukhta State Technical University, PhD. in History

The article discusses the production of the labor colony in the European North of Russia in the post-war period. The author analyzes the functioning of the agricultural sector, the work carried out colonies in the framework of agreements concluded with economic organizations. In addition, attention is paid to the financial situation of the colonies, given the characteristics of their workforce.

Key words: penal system; labor colonies; European North of Russia; prisoners; production; agriculture; workforce.

Великая Отечественная война оказала сильное влияние на пенитенциарную систему и обусловила определенное снижение ее экономической роли. Ряд факторов – уменьшение численности спецконтингента, послевоенная амнистия и освобождение различных категорий заключенных, задержанных на производственных объектах Народного комиссариата внутренних дел на период до окончания войны, – существенно сократили возможности данного ведомства. По оценкам самого НКВД, общий недокомплект рабочей силы на его предприятиях

на второе полугодие 1945 г. составил около 750 тыс. чел.¹

Данное обстоятельство вызвало снижение экономического потенциала Главного управления лагерей (ГУЛАГа) на Европейском Севере России. В первую очередь это касалось дислоцированных на территории региона исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ).

В отличие от ИТЛ, исправительно-трудовые колонии (ИТК) решали менее масштабные производственные задачи. К примеру, согласно отчету Управления исправитель-

но-трудовых лагерей и колоний (УИТЛК) Управления МВД по Архангельской области за 1946 г., в промышленности наиболее высоким был удельный вес деревообработки (выполнение плана по выпуску товарной продукции составило 7623 тыс. руб.). Далее следовала швейная отрасль (2641 тыс. руб.). Меньшую роль играли лесозаготовка (368 тыс. руб.) и металлообработка (335 тыс. руб.). В незначительных масштабах заключенные колоний Архангельской области занимались валяльным (254 тыс. руб.), коженным и обувным производством (164 тыс. руб.)². Колонии выпускали сверлильные станки, вагонетки, всяческие замки, деревянные бочки. Качество изделий было низким. Потери от брака за первый квартал оценивались в 95 тыс. руб., что составило 15,8% себестоимости продукции и способствовало ее удорожанию на 52,2%³.

На 1 января 1946 г. на территории Вологодской области находились четыре промышленных, сельскохозяйственная и контрагентская исправительно-трудовые колонии. В течение года появилось еще по одной сельскохозяйственной и контрагентской колонии⁴. Наиболее высокий удельный вес в промышленном производстве, по данным за 1946 г., имела швейная отрасль (23,7% товарооборота). Далее следовали деревообработка (16,9%), лесозаготовка (5,7%), металлообработка и коженно-обувное производство (примерно по 3,6%). Спецконтингент колоний занимался производством тарной клепки, деревянных бочек, валенок, хозяйственной веревки, топоров, а также заготовкой древесины и лесовывозом⁵.

С деятельностью исправительно-трудовых колоний, дислоцированных на территории Европейского Севера России, было связано развитие сельскохозяйственного сектора гуглаговской экономики. Основными чертами, характеризующими сельскохозяйственное производство ГУЛАГа, являлись:

1. Низкая урожайность как следствие отсутствия правильных севооборотов, землеустроительных работ и других агротехнических мероприятий⁶.

2. Чрезвычайно высокая себестоимость продукции, что обуславливалось плохой организацией труда и неблагоприятными погодными условиями, характерными для рассматриваемого региона⁷.

3. Высокие показатели падежа скота как следствие инфекционных заболеваний, наиболее распространенным из которых являлся бруцеллез. Борьба с ним была за-

труднена нехваткой животноводческих помещений и ветеринарных пунктов. Отмечался также высокий травматизм лошадей, вызванный их значительной перегрузкой. В хозяйствах ИТК Вологодской области, к примеру, уровень травматизма в 1946 г. составлял 58,2%⁸.

4. Проблема сбыта продукции. Выполнение и перевыполнение плановых показателей, снижение себестоимости далеко не всегда обеспечивали рентабельность производства. Так, вследствие убыточности операций по сдаче животноводческой продукции при выполнении остальных плановых показателей потери Отдела исправительно-трудовых колоний (ОИТК) Вологодской области за 1949 г. составили 775 тыс. руб.⁹

Указанные проблемы сохранялись на протяжении всего послевоенного периода и вплоть до ликвидации гуглаговской экономики.

В 1946–1953 гг. принудительный труд, являющийся ординарным элементом советской экономической системы, широко включался в производственные планы промышленных наркоматов (министерств). На территории Европейского Севера России, где функционировало значительное число гуглаговских образований различного типа, контрагентские работы представляли собой одно из направлений деятельности исправительно-трудовых лагерей и колоний, оказывавшее определенное влияние на социально-экономическое развитие региона.

Анализ количественных показателей трудовых ресурсов ИТК позволяет обратить внимание на два обстоятельства. Во-первых, наиболее массовый характер контрагентские работы носили в подразделениях УИТЛК УМВД по Архангельской области, наименее – в ОИТК УМВД по Мурманской области и Коми АССР. Во-вторых, численность заключенных, привлекаемых к данным работам, могла меняться, что свидетельствует об отсутствии стабильного спроса на спецконтингент со стороны контрагента¹⁰.

Согласно произведенным подсчетам, труд заключенных лагерей и колоний на 1 ноября 1947 г. был задействован на объектах двадцати министерств. Больше всего подневольной рабочей силы было сосредоточено на объектах Министерства лесной промышленности (1799 чел. в Архангельской области, 12 945 чел. в Карело-Финской ССР, 128 чел. в Коми АССР). Далее следовали объекты Министерства строительства военных и военно-морских предприятий

(5313 чел. в Архангельской области), Министерства путей сообщения (714 чел. в Архангельской области, 157 чел. в Вологодской области, 30 чел. в Карело-Финской ССР, 16 чел. в Коми АССР)¹¹. Таким образом, спектр производств и видов работ, выполняемых спецконтингентом колоний в рамках контрагентской деятельности, был достаточно широким.

Финансовое положение колоний зависело от контрагентской деятельности и также было нестабильно. В одних случаях договорная деятельность приносила ИТК доход, а в других – значительные убытки. Имеющиеся по данной теме источники позволяют выявить факторы, определяющие убыточный характер производства в рамках проводимой колониями контрагентской деятельности.

Неудовлетворительное финансовое положение ОИТК, вызванное в определенной степени недофинансированием со стороны УИТЛК ГУЛАГа, осложнялось наличием сверхнормативных остатков продукции и товаров, малоценного инвентаря и специнструмента, ростом дебиторской задолженности и непроизводительных расходов, связанных главным образом с большими потерями от недостач, брака и порчи материала¹².

На убыточность производства влиял перерасход материала на единицу продукции, а также сверхнормативные остатки готовой продукции, затоваривание складов. Так, в подразделениях УИТЛК УМВД по Архангельской области за 1950 г. на изготовление мебельных деталей было перерасходовано 735 м³ крупного леса, или 11,4% против плановой нормы, а на оконные переплеты – 299 м³, или 50,6% против нормы. Все это свидетельствует об отсутствии со стороны инженерно-технического персонала должного контроля за расходованием сырья и соблюдением установленных норм выработки¹³. Помимо того, в течение года УИТЛК допускало сверхнормативные остатки готовой продукции (от 100 до 600 тыс. руб.)¹⁴.

В финансовой сфере ОИТК имели место существенные недостатки, такие как наличие значительных остатков нормируемых средств, неактивное использование банковских кредитов, колоссальные выплаты штрафных санкций за нарушение сроков платежей, невзыскание дебиторской задолженности и т.д.¹⁵

Чрезвычайно дорого обходилось лагерям и колониям содержание неработающих заключенных. В качестве примера можно привести ситуацию, сложившуюся в под-

разделениях УИТЛК УМВД по Архангельской области в 1950 г. Согласно отчетным данным, на производстве было использовано 73,7% спецконтингента – непроизводительные потери рабочего времени составили 284 тыс. человеко-дней (4,4%). В течение года ежедневно не выводились на производство: из-за непредоставления работы 630 чел.; отсутствия конвоя 102 чел.; отказов от работы 23 чел. Содержание неработающего контингента обходилось хозяйству в 3984 тыс. руб.¹⁶

Фактические расходы на заключенных за 1946 г., согласно отчетности ОИТК УМВД по Мурманской области, составили 8 руб. 43 коп. на один списочный человеко-день против утвержденных по смете 6 руб. 32 коп. Общая сумма перерасхода на весь спецконтингент составила 1449 тыс. руб.¹⁷ В подразделениях ОИТК УМВД по Вологодской области в 1946 г. стоимость списочного человеко-дня также была выше плановых показателей. При смете 6 руб. 48 коп. она составила 6 руб. 56 коп. – расходы были превышены на 1127 тыс. руб.¹⁸

Качественный состав заключенных, которым располагали колонии, осложнял производственную деятельность. К 1948 г. заключенных первой категории (годных к выполнению тяжелых физических работ) на территории рассматриваемых областей насчитывалось минимальное количество. Например, на 1 октября доля их составляла в ИТК Архангельской области 3,9%; в ИТК Вологодской области – 1,2%. В целом в колониях содержались лица, годные к выполнению легких физических работ (третья категория трудоиспользования). Их удельный вес приближался в Архангельской области к 46,3%, в Вологодской области – к 54,2%¹⁹.

В дальнейшем физическое состояние спецконтингента ОИТК Вологодской области продолжало ухудшаться. За 1949 г. при среднесписочном числе 6332 чел. заключенных, годных к выполнению легких физических работ, насчитывалось 4036 чел. (64%), инвалидов – 630 чел. (10%). В 1950 г. среднесписочная численность спецконтингента составляла 5965 чел., из которых 4553 чел. (76,4%) относились в третьей категории трудоиспользования. Численность инвалидов возросла до 976 чел. (16,3%)²⁰. Ситуация осложнялась наличием в регионе ряда трудоемких отраслей, таких как металлообработка, деревообработка, лесная отрасль. Необходимость содержания неработающих заключенных неизбежно обостряла финансовые проблемы наркомата.

Таким образом, после войны производственная структура подразделений УИТЛК-ОИТК УМВД на Европейском Севере России не претерпела существенных изменений по сравнению с довоенным и военным периодами. При этом следует отметить, что анализ производственной деятельности ИТК дает возможность сформировать более полное представление об экономике ГУЛАГа

в 1946–1953 гг. Исследовательские усилия, предпринимаемые в данном направлении, позволяют говорить о неполном соответствии советской пенитенциарной системы потребностям мобилизационной экономики СССР, что в конечном итоге предопределило кризис и распад ГУЛАГа в постсталинский период.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собр. док.: В 7 т. / Отв. ред. и сост. О.В. Хлевнюк. М., 2004. Т. 3: Экономика ГУЛАГа. С. 32.

² См.: Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 3150. Л. 43.

³ См.: Там же. Л. 1–2.

⁴ См.: Там же. Д. 3158. Л. 6.

⁵ См.: Там же. Л. 56.

⁶ См.: Там же. Л. 57.

⁷ См.: Там же. Л. 57об.

⁸ См.: Там же. Л. 58об.

⁹ См.: Там же. Л. 105об.

¹⁰ Подсчитано по: Там же. Оп. 1а. Д. 438. Л. 1–35.

¹¹ См.: Там же. Оп. 1. Д. 1312. Л. 5–32.

¹² См.: Там же. Д. 3158. Л. 69.

¹³ См.: Там же. Д. 3150. Л. 96.

¹⁴ См.: Там же.

¹⁵ См.: Там же. Д. 3176. Л. 43.

¹⁶ См.: Там же. Д. 3150. Л. 103.

¹⁷ См.: Там же. Д. 3192. Л. 5об.

¹⁸ См.: Там же. Д. 3168. Л. 55об.

¹⁹ См.: Там же. Оп. 1а. Д. 467. Л. 83–108.

²⁰ См.: Там же. Оп. 1. Д. 3158. Л. 126.

¹ Sm.: Istorija stalinskogo GULAGA. Konec 1920-h – pervaja polovina 1950-h godov: Sobr. dok.: V 7 t. / Otv. red. i sost. O.V. Hlevnjuk. M., 2004. T. 3: Jekonomika GULAGA. S. 32.

² Sm.: Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii. F. R-9414. Op. 1. D. 3150. L. 43.

³ Sm.: Tam zhe. L. 1–2.

⁴ Sm.: Tam zhe. D. 3158. L. 6.

⁵ Sm.: Tam zhe. L. 56.

⁶ Sm.: Tam zhe. L. 57.

⁷ Sm.: Tam zhe. L. 57ob.

⁸ Sm.: Tam zhe. L. 58ob.

⁹ Sm.: Tam zhe. L. 105ob.

¹⁰ Podschitano po: Tam zhe. Op. 1a. D. 438. L. 1–35.

¹¹ Sm.: Tam zhe. Op. 1. D. 1312. L. 5–32.

¹² Sm.: Tam zhe. D. 3158. L. 69.

¹³ Sm.: Tam zhe. D. 3150. L. 96.

¹⁴ Sm.: Tam zhe.

¹⁵ Sm.: Tam zhe. D. 3176. L. 43.

¹⁶ Sm.: Tam zhe. D. 3150. L. 103.

¹⁷ Sm.: Tam zhe. D. 3192. L. 5ob.

¹⁸ Sm.: Tam zhe. D. 3168. L. 55ob.

¹⁹ Sm.: Tam zhe. Op. 1a. D. 467. L. 83–108.

²⁰ Sm.: Tam zhe. Op. 1. D. 3158. L. 126.

УДК 343.255:48.06

Практика применения телесных наказаний Русской православной церковью в имперский период

А.Р. ПАВЛУШКОВ – доцент кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук, доцент

В статье рассматривается эволюция применения телесных наказаний церковными судами. Сопоставление норм канонического права и сложившейся церковно-судебной практики в имперский период подтвердило усиление внутреннего кризиса Русской православной церкви, где телесные наказания использовались как превентивное средство борьбы с различными пороками.

Ключевые слова: Русская православная церковь; телесные наказания; устрашение; криминальная юрисдикция; позорящие наказания; членовредительство; архиерейский суд.

The practice of corporal punishment by the Russian Orthodox Church in the imperial period

A.R. PAVLUSHKOV – Associate Professor of the Department of Philosophy and History of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in History, Associate Professor